

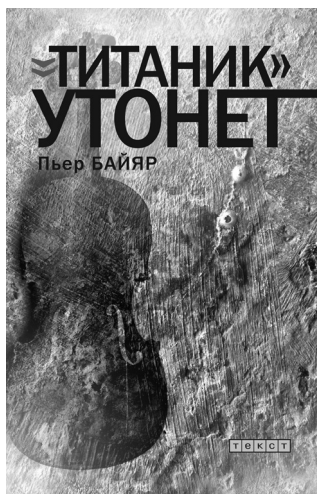
Информация к размышлению Non-fiction

с Алексеем Михеевым

[273]

ИЛ 8/2018

Вроде бы мы хорошо знаем, как устроен мир, в котором живем. Мы поступаем рационально, понимаем, какие причины порождают какие следствия, и способны логично объяснить суть происходящих событий. Но это лишь на первый взгляд. Рано или поздно мы приходим к выводу, что какие-то вещи разумному объяснению не поддаются, и пытаемся найти ответы в мистике, эзотерике и тому подобных сферах. Впрочем, это тоже не особо помогает — и любые загадочные феномены остаются материалом для гипотез и размышлений. Как раз их вы и найдете в книге известного французского интеллектуала-парадоксалиста **Пьера Байяра** *«Титаник» утонет* (пер. с фр. **Е. Морозовой**. — М.: Текст, 2017. — 190 с.).

Название книги (во Франции вышедшей в 2016-м) отсылает к невероятному случаю более чем столетней давности: за 14 лет до гибели «Титаника» американский писатель Морган Робертсон в романе *Тщетность, или Гибель «Титана»* описал крушение крупнейшего в мире океанского корабля. Современный комментарий по этому поводу мог бы звучать так: «Совпадение? Не думаю». И действительно совпадений в деталях реального события и предшествовавшего ему литературного описания оказывается столько, что объяснить это чистой случайностью было бы более чем странно. Впрочем, странными выглядят и другие объяснения: например, как пишет Байяр, сам Робертсон *никогда не скрывал, что, описывая драматическую эпопею воображаемого судна «Титан», он брал за образец катастрофу «Титаника»*. Но каким образом ему удалось «заглянуть в будущее»? Этим вопросом и задается Байяр, рассматривая все возможные (хотя и выглядящие как абсолютно невозможные) гипотезы — от предчувствия, предвидения и предсказания до существования параллельных миров и способности путешествовать во времени.

Звучит, конечно, невероятно, но тем не менее казус «Ти-

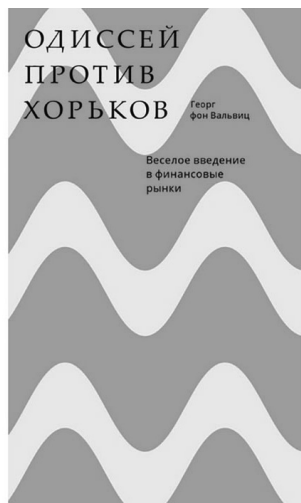
тана”/“Титаника” оказывается не единственным — в книге разбираются несколько случаев, когда литературные описания предшествовали аналогичным реальным событиям: от природных катаклизмов и стихийных бедствий до современных террористических актов — как в случае с нью-йоркской трагедией 11 сентября 2001-го.

Один из наиболее убедительных примеров пророческого текста — роман Герберта Уэллса “Освобожденный мир”, опубликованный в 1914 году: в нем автор предсказывает изобретение ядерного оружия и описывает грядущую мировую атомную войну, приводящую к глобальной катастрофе. Пусть в точности предвидение не реализовалось (что, безусловно, очень хорошо), но описанный Уэллсом сценарий выглядит теперь прогнозом, который был потенциально вполне вероятным: во всяком случае, увидеть все ключевые проблемы XX века в самом его начале — это действительно фантастика, и не в смысле литературного жанра, а в смысле трансцендентного потенциала человеческого сознания.

В качестве еще одного примера предвидения — уже социального — Байяр приводит произведения Франца Кафки, и прежде всего “Процесс”, в котором описано государство, обладающее теми признаками тоталитаризма, которые на практике были фактически воплощены в некоторых политических режимах XX века. И в этой связи известный каламбур “Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью” приобретает, скорее, зловещий оттенок —

ведь действительно литература здесь оказывается первичной. Пусть в случае Кафки речь может идти скорее о предчувствии, чем о причинно-следственных связях, но тем не менее в контекст других, похожих, случаев оно тоже хорошо укладывается.

Еще одна книга, в которой речь также идет, можно сказать, о предвидениях и иррациональности, посвящена совершенно другой теме — анализу функционирования биржевых механизмов. *Веселое введение в финансовые рынки* — это опять-таки несколько парадоксальный подзаголовок, а вот название книги немецкого финансиста **Георга фон Вальвица** выглядит еще более неожиданное: *Одиссей против хорьков* (пер. с нем. **Татьяны Зборовской**. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. — 192 с.). Одиссей тут символизирует фигуру рационального героя, прини-

мающего важные решения трезво, разумно, с опорой на жизненный опыт, в сложных ситуациях грамотно взвешивая риски, — и успешно пре-

одолевающего все трудности на пути к цели. В современной финансовой сфере — это такой традиционный консервативный деятель той эпохи классического либерального рынка, когда деньги были еще инструментом для развития реальной экономики, а не самоцелью.

Сейчас же, когда этот рынок эволюционировал до состояния, в котором финансовый сектор отодвинул производственный на второй план, главными движущими элементами стали трейдеры и фондовые менеджеры, руководствующиеся в своей деятельности стремлением исключительно к увеличению прибыли (и, соответственно, личному благополучию), сопровождаемым иррациональным эмоциональным азартом. И сложившиеся на сегодняшний день механизмы функционирования финансов таковы, что именно эти азартные и агрессивные “хорьки” достигают успеха. Если Одиссей все еще играет в шахматы, то они — в покер, срывая крупный куш, например, в рамках многочисленных хедж-фондов, выполняющих страховочные функции и с собственным производством фактически не связанных.

И оказывается, что финансовые пирамиды типа МММ —

это вовсе не наше доморощенное средство одурачивания наивных клиентов, а вполне традиционная, давно известная — и даже описанная в экономической теории — схема. Но если Мавроди реализовал примитивную структуру привлечения денег вкладчиков, то на высших этажах экономики обычно используются формы и методы более сложные, описываемые солидно звучащими терминами, — за которыми, впрочем, скрываются, по сути, те же червятые рано или поздно наступающим коллапсом пузыри. Отсюда, собственно, и регулярные глобальные кризисы, последний из которых случился в 2008-м. То есть кризисы эти вызываются, в сущности, не объективными причинами, а исключительно человеческим поведением — как отдельных личностей, так и социальных групп.

Таким образом, здесь перед нами еще одно — еще более наглядное и убедительное — свидетельство того, что человек творит, сознательно или бессознательно, ту реальность, в которой живет. Мы действительно создаем свой мир — только в одних сферах это объяснимо и доступно анализу, а в других — по-прежнему остается (и, наверное, так и останется) загадкой.